ДРУГОЙ СУФФИКС

Суффикс (от лат. suffixus «прикреплённый») в лингвистике — морфема, изменяемая часть слова, расположенная обычно после корня. В русском языке перенос слова из одной части речи в другую осуществляется как правило с помощью суффикса.

Сослагательное наклонение

Еще из курса школьной грамматики я помню, что слово состоит из приставки, корня, суффикса и окончания. Моя учительница русского языка Ольга Гавриловна всегда подчеркивала лексическое значение корня в слове. Правда, и суффикс иногда тоже немало значит.

Например, если сравнивать слова «социальный» и «социалистический», то можно сразу придти к выводу, что у них общий корень «социал», но различные суффиксы и окончания. Социал происходит от латинского socialis, что означает - общественный; связанный с жизнью и отношениями людей в обществе или к обществу. Казалось бы, если корень общий, то и речь идет если не о тождественных, то об очень близких понятиях. В нашем же случае, при лексической близости, эти слова несут совершенно различный смысл. Очевидно? Но, оказывается, далеко не для всех. В особенности, для моих сограждан. В современном американском политическом дискурсе зачастую происходит то, что можно назвать «подменой тезиса», когда вольно или невольно идет замещение понятий. В нашем же случае выстраиваются умозаключения, базирующиеся на лексической близости, а не на смысловом содержании.

Попробуем разобраться.

Для нас, выходцев из СССР, понятие «социализм» и производное от него определение «социалистический» ассоциируется с вполне конкретными явлениями, память выдает их моментально. Официоз. Собрания. Очереди, дефициты. Лозунги белым по красному. Портреты вождей. Выборы без выбора.

Уроки истории, политэкономия, научный коммунизм. Диктатура пролетариата. Упразднение частной собственности. Коллективизация, индустриализация. Голодомор. Днепрогэс. Враг не дремлет. Гулаг. Пятилетку за три года. Чугун на душу населения. Стиляги. Культ личности. От каждого - по способностям... Целина. Американская (израильская) военщина. "Похороним Америку" (Хрущев на трибуне). Догнать и перегнать. Нерушимый блок коммунистов и беспартийных... Дополняйте сами.

С понятием «социальный» посложнее будет, но за годы жизни в Соединенных Штатах тоже кое-что прояснилось. Например, кто такие и чем занимаются «социальные работники»... Ну а если сделать один небольшой шаг, перейти от «социального работника» к «социальному государству», то... тут появляется заминка. Почему? Вполне возможно потому, что термин «социальное государство» появился на немецкой, а не американской земле.

Принято говорить, что история не знает сослагательного наклонения. В истории было только то, что было. Если что-то было бы иначе – оно бы и произошло. Но из каждого правила бывают исключения. Например, удивительный эксперимент, поставленный историей в Германии, когда был дан ответ на коварное «если бы.»

В науке принято определять правильность теоретических умозаключений посредством их сравнения с результатами эксперимента. Например, такого, когда в процессе исследования испытуемое вещество делят на две части и подвергают их различному воздействию. Сравнение результатов позволяет подтвердить или опровергнуть теоретические посылки, получить объективные, то есть, экспериментально подтвержденные выводы.

Примерно это и сделала История (Всевышний, Силы небесные – подставьте по вашему усмотрению), когда разделила одну нацию, в нашем случае, немецкую, на две части. На востоке страны было построено социалистическое государство, ГДР. На западе – социальное, ФРГ. Одно государство было воплощением теоретических положений знаменитых немцев Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Другое – менее знаменитых, но тоже известных: Отто фон Бисмарка и Людвига Эрхарда. В любом случае, и та, и другая модель государственного устройства были плодами «сумрачного немецкого гения».

Социальный вопрос

В первые десятилетия XIX века Европу захлестнула промышленная революция, вызвавшая тектонические сдвиги в социальной организации общества. Под натиском более рентабельного машинного производства ремесленники разорялись и оставались без куска хлеба. Их путь был только на фабрику, работать по 14 часов в день и за гроши. Ряды наемной рабочей силы пополняли также освобожденные от крепостной зависимости, но лишенные собственности крестьяне. Их называли пролетариями, потому что у них не было ничего, кроме своих детей. Как преодолеть бесконечно длинный рабочий день, бесчеловечные условия труда и нищенскую заработную плату? Как добиться условий существования, достойных человека? Это был главный социальный вопрос XIX-го века.

Немногим ранее, в конце XVIII-го, благодаря Великой французской революции, в Европе утвердилась идея либерально-правового государства. Оно защищало индивидуальные права и свободы человека от произвола абсолютизма. Вместе с тем, классический либерализм не был готов к ответу на главный социальный вопрос времени. Он его попросту не замечал, определяя любые формы социального протеста как нарушение общественного порядка, бунт. Ответ властей бывал соответствующим...В этих условиях протест стал развиваться от изначально стихийного (луддиты, например) к более осмысленному и организованному. Со временем это движение приняло форму политического течения социализма.

В немецких государствах, тем не менее, первые шаги в социальной сфере предпринимались на официальном уровне уже начиная с двадцатых годов XIX века. Порой они стимулировались далекими от социальных соображениями. Например, в Вестфалии был ограничен детский труд на фабриках под влиянием появившегося в 1828 году отчета военных. Там отмечалось негативное воздействие работы на здоровье детей, что делало их впоследствии непригодными к воинской службе. Сильнее такого довода, конечно, и быть ничего не могло!

В 1845-м в Пруссии было принято «Положение о занятии промыслом», которое обязывало каждого помощника мастера вступать в местную кассу социального страхования и платить взносы. В 1849 году был принят закон, который обязывал также работодателей платить часть взносов (до половины) за рабочих, занятых на их предприятиях. В этих законах впервые был введен принцип совместного участия и рабочих, и работодателей в финансировании социального страхования. Кстати, этот принцип действует до сих пор.

Но, по большому счету, это были полумеры и социальное напряжение, вызванное в германских государствах стремительной индустриализацией, нарастало. Постепенно зрели революционные настроения; особенно среди городских низов и рабочих, недовольных ростом цен на продовольствие... В

Европе 1848-49 годы вошли в историю как Весна народов, время революций, захлестнувших почти весь континент. Совсем неслучайно именно в это время возникла концепция принципиально нового, социалистического государства. 21 февраля 1848 года в Лондоне был опубликован «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса. В главе «II. Пролетарии и коммунисты» приводилась краткая программа перехода от капиталистической общественной формации к коммунистической, совершаемая насильственным путём - посредством диктатуры пролетариата. «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил. Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения...»

Насильственный путь, диктатура пролетариата, деспотическое вмешательство – основатели социализма были вполне откровенны...

Ответ Бисмарка

Получив свою теоретическую базу, социалистические движения стали нарастать и шириться по всей Европе. Наиболее же активно эти процессы развивались в объединенной Германии. С точки зрения германской элиты, сильнее внешней опасности становилась опасность внутренняя, а именно, социалистическое движение. По инициативе канцлера Отто фон Бисмарка социал-демократическая партия в 1878 году была запрещена, равно как и её митинги. Социалисты были лишены лицензии на свои публикации... Возможно, в другой стране и другие лидеры этим бы и ограничились, но только не в Германии, и только не Бисмарк. Будучи консерватором и убежденным противником социализма, он понимал одну простую вещь – только силой социальных проблем не разрешить. Если не провести вовремя реформы сверху, то они последуют снизу. Но уже в форме революции. Это был один из важнейших уроков недавней истории, который мудрый концлер выучил наизусть. Такого развития событий он допустить не мог... Бисмарк замыслил свои реформы, как средство для превращения рабочего класса в сообщество лояльных государству и консервативно настроенных немецких граждан.

17 ноября 1881 года было опубликовано послание кайзера, в котором было провозглашено право рабочих на социальную защиту. Декларация монарха была претворена в жизнь с помощью трех законов о социальном страховании, проведенных Бисмарком через Рейхстаг: на случай болезни (1883 г.); от несчастных случаев (1884 г.); по инвалидности и в старости (1889 г.). Например, закон о страховании здоровья, помимо прочего, предполагал выплату пособия по болезни начиная с её третьего дня максимум на 13 недель. Если болезнь была более длительной, то вступало в силу страхование от

несчастного случая. Компенсация составляла 2/3 от средней зарплаты и начиналась с 14-й недели болезни. Ответственность за выплату этой компенсации возлагалась на ассоциации предпринимателей, основанные на кооперативных началах (*Berufgenossenschaften*).

Разработанные Бисмарком меры трудового страхования намного превзошли те, что были приняты в других индустриально-развитых странах. Эти реформы, получившие известность как «социальные законы Бисмарка», работают и поныне. Они стали основополагающими для создания немецкого социального государства, а со временем их скопировали по всей Европе. Пародокс, казалось бы, прусский юнкер, националист, человек очень правых взглядов, предложил и провел в жизнь социальные реформы, реально изменившие к лучшему жизнь рабочего человека. Но если вдуматься, то чувство ответственности за судьбы народа и страны, которое отличает истинного националиста, не могло не повести Бисмарка по этому пути.

Время испытаний

...Вторая мировая война, развязанная нацистами, принесла неслыханное горе и страдание миллионам жителей Европы. Среди тех, кто оказался жертвами войны был и немецкий народ. Ему пришлось платить по счетам нацистов – ничего нового, народы всегда оплачивают авантюры своих правителей...Ситуация в побежденной стране была очень сложной. Союзники раздели страну на различные зоны оккупации. На Востоке была советская зона, где к власти были приведены коммунисты. Во главе их были прибывшие из Москвы ветераны Коминтерна Вильгельм Пик, Отто Гроттеволь и Вальтер Ульбрихт. Под руководством Кремля они без промедления взялись за строительство социалистической Германии... На западе американская военная администрация руководствовалась директивой Объединенного комитета начальников штабов JCS 1067, определявшей цели оккупации. В частности, там говорилось: «Немцам следует разъяснить, что безжалостное ведение войны Германией и фанатическое нацистское сопротивление разрушили немецкую экономику и сделали неизбежными хаос и страдания и что немцам не уйти от ответственности за то, что они сами же навлекли на себя...»

Германия лежала в руинах, по всей стране бродили сотни тысяч беженцев – из городов в деревни и обратно. Заводы и фабрики стояли или демонтировались победителями, везде царили апатия и депрессия, аппарат управления не работал. Экономику представлял черный рынок. Денацификацию в американской зоне из 15 миллионов прошли 12 – нацистами была признана одна десятая процента населения. Нужно было расчищать развалины городов, кормить население, давать им работу и крышу над головой. Нации были необходимы новые лидеры, способные возглавить возрождение Германии на демократической основе. Западные союзники составили «Белый список для Германии» из немцев, не запятнавших себя нацистскими преступлениями.. В

политике выбор пал на репрессированного нацистами обер-бургомистра Кёльна Конрада Аденауэра, в экономике – на университетского профессора Людвига Эрхарда.

Конрад Аденауэр был прирожденным лидером, в обстановке послевоенной разрухи он создал партию нового типа – Христианско-демократический союз. В феврале 1947 года на учредительном съездве в Алене ХДС принял политическую программу, в которой главной целью партии объявил благосостояние народа, права и достоинства гражданина. Тем самым определив принципиально новую позицию для немецкого консервативного движения...Что же касается Людвига Эрхарда, то к завершению войны он был признанным экономистом, работавшим, начиная с 1943 года над проектом экономической реформы, необходимой стране после падения гитлеровского режима. Уж что-что, а в этом он никогда не сомневался... В сентябре 1945-го американская военная администрация назначила Эрхарда министром экономики Баварии, в марте 1948 года – управляющим хозяйством «Бизонии» – объединенных американской и английской оккупационных зон.

В очень сложных условиях первых послевоенных лет Аденауэр и Эрхард выдвинули лозунг: «Материальное благополучие — для всех». Лозунг красивый, но как его выполнить? Сколько прекрасных лозунгов было провозглашено в советские годы, но все они, в итоге, оказались блефом. Хотя бы: «Все во имя человека, все для блага человека». Советские люди, стоя в очереди за условносъедобной колбасой, шутили, что, наконец-то, стало известно имя этого человека – Леонид Ильич... Будучи экономистом, Эрхард понимал всю сложность выполнения такого лозунга. Между рыночным хозяйством и социальной политикой существует неизбежное объективное противоречие. Главным законом рынка является стремление к максимальной прибыли, тогда как финансирование социальных задач предполагает отчисления от доходов, то есть их уменьшение. Заслугой Аденауэра и Эрхарда явилось то, что хорошо понимая природу капитализма, они включили социальную составляющую в программу развития страны. Иначе они и не мыслили новую Германию...

Залогом решения этого противоречия должно было стать стремительное экономическое развитие страны. Но каким образом, на базе чего? В Потсдаме державы-победительницы постановили, что индустриальный уровень Германии должен составлять не более половины от уровня 1938 года, для чего приступили к демонтажу и вывозу оставшихся заводов. В западных зонах это составило 8% мощностей, а в советской 45%. Статистики подсчитали, что производственных мощностей западных оккупационных зон Германии хватает на обеспечение каждого немца одной тарелкой на пять лет, парой обуви на 10 лет и одним костюмом на 50 лет. Ситуация осложнялась еще и тем, что из 47 млн человек, составлявших тогда население страны, 10 млн были немцы-беженцы из западных районов Польши, Чехословакии и Венгрии. Позже к ним присоединились еще 3 млн человек, прибывших из советской зоны оккупации.

Известный публицист Густав Штольпер вспоминал: «....морально уничтоженная нация без продуктов питания и сырья, без действующей транспортной системы и чего-либо стоящей валюты, нация, социальная структура которой была массовым бегством и изгнанием, страна, где голод и страх убили надежду».

Реформы Эрхарда

В этих условиях все больше и больше немцев склонялись к мысли, что спасением от хаоса может быть только социализм... Соединенные Штаты уже бездействовать не могли, тем более, что и в Италии, и во Франции коммунисты входили в правительство и пользовались доверием и поддержкой масс... 5 июня 1947 года, выступая перед студентами Гарварда, американский госсекретарь Джордж Маршалл предложил экономическую программу возрождения Европы, вошедшую в историю как «план Маршалла». Очень значительные ресурсы (1.3 млрд долларов) готовы были поступить в распоряжение Западной Германии. А каким образом ими распорядиться? Вопрос по тем временам далеко не праздный... В западном секторе по-прежнему действовали правила и законы мобилизационной экономики, необходимой нацистам для ведения войны. Союзники пытались послевоенный хаос остановить все новыми и новыми указами, добавляемыми к системе планирования времен III-го Рейха. И хотя толку от этого было мало - скорее, наоборот, - но практически все сходились во мнении, что только государственное управление "экономикой дефицита" может уберечь общество от катастрофы.

Парадоксально, но факт: в 1947-48 годах против введения рыночного хозяйства в Западной Германии выступали не только социал-демократы и близкие к ним профсоюзы, но и ХДС во главе с будущем канцлером Аденауэром («Планирование и управление экономикой будет в больших масштабах и длительное время»)... Стране нужна была всеобъемлющая экономическая реформа, чтобы деньги американского налогоплательщика смогли заработать с максимальной отдачей. Именно такую реформу и предложил Эрхард. Она состояла из:

- во-первых, денежной реформы,
- во-вторых, реформы цен.

По мнению Эрхарда, вначале требовался мощный импульс, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Им должна была стать денежная реформа. Ее разработали американские специалисты в тесном сотрудничестве с группой экспертов-немцев, руководимых Эрхардом. Задачей этой реформы было избавиться от «навеса» обесцененных денег (Gelduberhang) и создать твердую валюту. На основании декрета военных властей, в ночь на 21 июня 1948 года старые рейхсмарки были объявлены недействительными, и введены новые деньги – немецкие марки (DM). Каждый житель страны получил на руки 40 новых марок (потом к ним было добавлено еще 20). Был создан новый

эмиссионный банк – Банк немецких земель – и разработаны правила, регулирующие его отношения с частными банками, например, размер обязательных денежных резервов.

А задачей реформы цен, которая вступила в силу через три дня после денежной реформы, была отмена созданного нацистами «принудительного хозяйства» – (Zwangswirtschaft), упразднение административного распределения ресурсов и контроля над ценами. Разрегулирование цен и заработной платы проводилось последовательно и неуклонно. Если за денежную реформу отвечали, в существенной мере, оккупационные власти, то отмена обязательных цен была полностью детищем Людвига Эрхарда и его хозяйственного управления.

Эффект от реформ превзошел все ожидания. Очевидцы событий тех лет, французские экономисты Жак Зюфф и Андре Пьер писали: «Черный рынок внезапно исчез. Витрины до отказа наполнились товарами, фабричные трубы задымили, а на улицах засновали грузовики. Повсюду мертвая тишина развалин уступила шуму стройплощадок. И как бы ни удивителен был размах этого подъема, еще более удивляла его внезапность. Он начался во всех областях. Экономическая жизнь в день валютной реформы возникла, как-будто, по удару колокола... Еще вечером немцы бесцельно слонялись по городам, чтобы с трудом добыть скудную пищу. На следующий день все думали о том, что и как производить. Вечером их лица выражали безысходность, а на утро вся нация с надеждой смотрела в будущее. Нет сомнений в том, что решающий подъем в немецкой экономике начался с денежной реформы».

Параллельно проводимые реформы стремительно меняли Германию и ознаменовали рождение доселе неведомого Soziale Marktwirtschaft, то есть социально-рыночного хозяйства.

Социально-рыночное хозяйство

Проводя свои реформы, Эрхард был далек от раннекапиталистического, либерального понимания государства как «ночного сторожа», который лишь охраняет рынок. Как он позднее писал, для него рынок был не самоцель, а средство для достижения социальных целей, в частности, для преодоления классовых различий в обществе и максимального развития творческих сил страны. В представлении Эрхарда свободная частная инициатива и конкуренция должны сочетаться с активной ролью государства в хозяйственной жизни. В идейном смысле, деятельность Эрхарда протекала не в русле либерализма, и уж конечно, не социализма, а в русле солидаризма. Но это уже отдельная история...

«Социально-рыночное хозяйство» Эрхарда, поощряя частную конкуренцию и создавая товарное изобилие, одновременно заботилось и о тех, кто в силу объективных причин не мог на равных включиться в процесс подъема экономики, кто оставался на обочине развития... И это очень важная

особенность: потому такая экономика называется не только «рыночной», но и «социальной». «Материальное благополучие — для всех» оказалось не столько лозунгом, как принципом развития новой Германии.

...23 мая 1949 года было объявлено о создании Федеративной республики Германия. Первым федеральным канцлером стал Конрад Аденауэр, а министром экономики Людвиг Эрхард. Пункт 1-й статьи 20-й конституции ФРГ гласил, что Германия является демократическим и социальным федеративным государством. Таким образом, понятие «социальное государство» оказалось зафиксированным в основном законе страны. А согласно определению, данному в немецкой энциклопедии Brockhaus, социальным (Sozialstaat) называется государство, которое использует свою административную и правовую власть для сглаживания социальных противоречий и содействия социальному благосостоянию своих граждан. Важнейшим элементом социальной политики государства является защита экономически слабых слоев населения с целью обеспечения каждому человеку достойного существования.

С интересом и изумлением наблюдал мир за взлетом немецкой экономики. Даже термин такой появился: Wirtschaftswunder, то биш «немецкое экономическое чудо». За период 1950—89 годов валовой национальный продукт ФРГ вырос с 98 млрд до 2,237 млрд немецких марок. Среднемесячные доходы рабочих и служащих увеличились с 243 до 3,192 DM. Более 10 лет подряд экономический рост Германии был наивысшим в Европе и держался на уровне около 8% в год. А Людвиг Эрхард, архитектор этого чуда, не уставал повторять: "Лучшей социальной политикой является хорошая экономическая политика".

И в самом деле, благодаря интенсивному развитию экономики появился тот прибавочный продукт, который можно было делить. Вначале была оказана помощь населению, пострадавшему в результате войны. Уже в марте 1950-го было отменено рационирование продуктов питания, существовавшее с 1939 года. В том же 50-м году вышел федеральный закон о социальном обеспечении, а в 1952 году — Закон о компенсации ущерба, причиненного войной. Были приняты также общегерманские законы об изгнанных, о сохранении содержания на случай болезни, проведена пенсионная реформа (1957 г.) и стали выплачиваться «детские деньги». Наконец, в 1961 году была введена социальная помощь, известная в иммигрантских кругах как «социал».

Но невзирая на всю социальную значимость социала, этот год, тем не менее, в историю вошел совсем иным. Словосочетание «Берлинский кризис 1961 года» ни о чем не говорит? А «Берлинская стена»?

Берлинская стена

13 августа 1961 года в одну ночь возведенная стена разделила Берлин на два города. Разделила «весомо, грубо, зримо». Конечно, к тому времени Восточный Берлин уже был столицей ГДР, а Западный обладал особым независимым

статусом, но бывшие оккупационные сектора по-прежнему соединяли улицы, метро (U-Bahn), городская железная дорога (S-Bahn). Во-многом город оставался единым организмом. В ту памятную ночь коммунисты резали по-живому. По живому телу города. До строительства стены граница между советским и западными секторами Берлина была, по-сути, открыта. Разделительная линия протяжённостью 44,75 км проходила прямо по улицам и домам, каналам и водным путям. Официально действовали 81 уличный пропускной пункт, 13 переходов в системах U-Bahn и S-Bahn. В добавок, существовало множество нелегальных путей. Ежедневно границу между обеими частями города пересекали по различным причинам от 300 до 500 тысяч человек. Из них значительную часть составляли жители восточной части страны, решившие навсегда покинуть социалистический рай. Это вызывало постоянное недовольство властей ГДР, но статус города был зафиксирован Потсдамскими соглашениями союзников. Приходилось терпеть, хотя руки давно чесались перекрыть внутригородскую границу.

В силу многих причин ситуация усугубилась летом 1961 года. Только за один июль более 30 тысяч восточных немцев бежали из страны. А всего за тот год ГДР покинули более 207 тысяч человек. Преимущественно это были молодые квалифицированные специалисты, уверенные в своих силах, но не нашедшие им достойного приложения дома. Возмущённые власти Восточной Германии обвиняли Западный Берлин и ФРГ в «торговле людьми», «переманивании» кадров и попытках сорвать их экономические планы. Они уверяли, что хозяйство Восточного Берлина ежегодно теряет из-за этого 2,5 млрд марок. Может быть эти цифры и были верны...

С 3 по 5 августа 1961 года в Москве было проведено совещание первых секретарей компартий соцлагеря, на котором Ульбрихт настаивал на немедленном закрытии границы в Берлине. Он давно этого добивался, но советский вождь Никита Хрущев колебался. Не хотелось нарушать дух и букву Потсдама. Но простота доводов Ульбрихта все перевесела: если держать в Берлине границу открытой, то довольно быстро население ГДР перекочует на Запад. Что же это за государство рабочих и крестьян, из которого готовы сделать ноги все рабочие и крестьяне? И это витрина социализма? На сей раз Ульбрихт получил добро Хрущева...

К 1975 году Берлинская стена была уже не просто стеной, а представляла собой сложный инженерный комплекс, состоящий из:

- бетонного ограждения общей протяжённостью 106 км и высотой в среднем 3,6 метра;
- ограждения из металлической сетки протяжённостью 66,5 км;
- сигнального ограждения под электрическим напряжением, протяжённостью 127,5 км;
- земляных рвов, протяжённостью 105,5 км;

- противотанковых укреплений на отдельных участках;
- 302 сторожевых вышек и других пограничных сооружений;
- полосы из острых шипов длиной в 14 см и даже контрольно-следовой полосы с постоянно разравниваемым песком.

И вот все ЭТО сооружалось много лет только для того, чтобы удержать счастливых гэдээровских немцев в пределах их незатейливого малогабаритного счастья.

А они всё, глупые, не могли осознать величия своей исторической миссии строителей социализма и любым образом стремились на Запад. Например, 28 человек ушло по прокопанному ими самими тоннелю длиной 145 метров. Совершались полёты на дельтаплане, на воздушном шаре из нейлоновых фрагментов, уходили по верёвке, перекинутой между окнами соседних домов, и даже – я думаю, в приступе холодной ярости – с помощью тарана стены бульдозером.

Согласно статистике, в период с 13 августа 1961 года по 9 ноября 1989 года было совершено 5,075 успешных побегов в Западный Берлин или ФРГ, в том числе 574 случая дезертирства из Национальной народной армии...

К сожалению, повезло далеко не всем... 12 августа 2007 года Би-Би-Си сообщило, что в архивах Министерства госбезопасности ГДР («Штази») был найден письменный приказ, датированный 1 октября 1973, предписывающий стрелять на поражение по всем беглецам без исключения, включая детей. Британская радиокорпорация, не раскрывая источники, утверждала, что речь могла идти о более, чем тысячи погибших...

Три свободы

...Стена была снесена, когда ее поддерживать не имело смысла, да и уже было некому...Но ее историческая роль в мировой истории несомненна. Судьба социализма была предрешена в тот момент, когда эту стену воздвигли. Парадокс, казалось бы? Ведь ее соорудили для защиты социализма... Но если понадобились сверхусилия, чтобы задержать трудящихся в так называемом государстве трудящихся, то это означало концептуальную гибель самой идеи социализма. Немцы голосовали ногами за социальное государство, против социалистического. Они делали свой свободный выбор. Они даже готовы были за него умереть - под пулями восточногерманских пограничников... Почему же, ведь ГДР, действительно, была образцовой социалистической страной с точки зрения простого советского человека? Все, однажды побывавшие в Восточной Германии, были в восторге от страны. Там было так же хорошо как в СССР, только еще немного лучше. Везде порядок, чисто, аккуратно. Отличные дома, прекрасные дороги, красивая мебель, модная одежда... Пиво, так вообще было в изобилии. А что еще нужно рабочему человеку? Серьезно, а?

Стена доказала, что рабочему человеку еще нужна была... свобода. Да, свобода. От чрезмерно частого употребления понятие «свобода» потеряло

какой-либо смысл и превратилось в избитое клише. Кто только и по какому поводу не повторял это слово...Но именно ради свободы образованные молодые немцы готовы были рисковать жизнью, преодолевая Стену. Немецкое социальное государство привлекало не просто более высоким уровнем жизни, хотя это немаловажно. Главным было иное. Sozialstaat обеспечивал свободу в экономике (рыночный капитализм), свободу в политике (либеральная демократия) и свободу от бедности и нищеты (социальное страхование). Вот это уникальное троединство свобод, отличающее социальное государство, позволяло наиболее полно самореализоваться личности... Ради этого стоило рискнуть... и рискнуть по-крупному, ведь по шкале человеческих ценностей ничего нет выше самореализации.

Что только не было сказано за эти годы по поводу развала СССР и ухода социализма с исторической арены. Виной всему и программа звездных войн Рональда Рейгана, и заговор ЦРУ, и интриги Папы Римского в Польше вкупе с Солидарностью, и проигранная война в Афганистане, и резкое снижение цен на нефть, и перестройка Михаила Горбачева, и предательство партийной номенклатуры, и Чернобыльская катастрофа...да многое чего говорят. Наверное, все эти факторы сыграли свою роль, большую или меньшую...на аптекарских весах не выверишь. Но как показала совсем недавняя история, социалистический эксперимент погиб не по вине внешних врагов, а был приговорен своими же гражданами, захотевшими достойной жизни. Причем, намного раньше. Площадкой для этого эксперимента послужила Германия... может этим она как-то заплатила за ту боль и страдания, которые в 20-м веке принесла человечеству? В любом случае, в мирном соревновании двух систем социальное государство победило социалистическое, вытеснив его из геополитической реальности на страницы учебников истории.

Между прочим, с точки зрения грамматики разница между социальным и социалистическим неизмеримо мала – другой суффикс. А звучит - так вообще практически одинаково.

Алексей Наксен

Автор и ведущий программ «Ракурс» и «Итоги недели» - Дэвидзон Радио 620 AM